

данных им керамических пельниц. Он хотел украсить быт людей. Этим же увлекались наши Врубель и Васнецов, легля из майолики предметы обихода. Песни — это мои керамики. Грешен, я не чураться легкого жанра. Но, как ты помнишь, даже Пушкин и Блок любили цыган...

СМИТ. Ты заставил меня вспомнить о том, что я сам когда-то написал о важности юмора. Я сказал, что поэзия должна постоянно расширяться, оставаясь в своих рамках, и что смех сам по себе является одной из форм такого расширения. Легкость в поэзии, писал я тогда, привлекает

убежден, что нужно отражать весь спектр жизни, как делали все великие поэты, например Шекспир. Английский актер Лоуренс Оливье сказал, что актер, способный хорошо сыграть комедийную роль, справится и с ролью трагической, но если он сконцентрировался только на трагедиях, комедию ему не сыграть.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Трагики Москвин и Смоктуновский блестяще сыграли комедийные роли. У Америки есть великие трагические поэты — Уильям Карлос Уильямс, Р. Лоуэлл, Рётке, Мэриэн Мур. Ведь я и с тобой познакомился среди этого трагического Олимпа. Мы впервые встретились на сцене во время поэтического чтения в Таун-холле. Вечер вел Р. Лоуэлл. Оден, Кьюниц, Уилбер читали переводы. Это был первый крупный вечер русской поэзии в Нью-Йорке.

И Фрост, и Лоуэлл, и Гинзберг, и Ферлингетти гостили у нас. Кьюниц с успехом выступал. А Лоуэлл читал стихи подмосковным роцам. Ты первый

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Радостно, что к русской поэзии есть интерес. По правде сказать, я думал, что придет только парижская художественная интеллигенция, но на балконах стояло много молодежи. Французы — нация глубокой поэтической культуры, они особенно чутко чувствуют зрительную ткань стиха. Языки различны, но поэзия едина. И во время моих бесед с Анри Мишо, патриархом-отшельником галльской поэзии, и с худым, как фанатичный проповедник, Питером Бруксом, глубоко и аскетично поставившим «Вишневы сад», и в мастерских новых художников Адами и Фроманже чувствовалась обоюдная тревога за время. Каждому человеку трудно сейчас, Билл. Мое давнее ощущение, что строфа — это кристалл, модель мира, структура гармонии. Поэзия дает метод мышления. Поэт — не оракул, дающий политические, экономические или лирические рецепты. Поэзия дает людям метод проникнуть в суть событий, обнаруживать правду. Ответ могут найти только сами

школьница меня спросила об Элиоте. Она дочь дьярки. Я не хочу, конечно, сказать, что Элиот — любимый поэт советских колхозников. Но люди слушают радио, смотрят ТВ, много читают. У нас были серьезные телепрограммы о Блоке, о Хлебникове. Есть серьезная передача «Поэтические вечера в Останкино», где полтора часа поэты читают стихи. Это — после программы «Время». По статистике, их слушают 150 миллионов.

Что сулит нам новое поколение, возвращенное на этой информации? Когда миллионы впитывают конечный продукт культуры XX столетия? Это перемежается хоккеем и шумом метели за окном. Что даст этот синтез? Какие психологические бездны? Мы перед новым психологическим феноменом. А какова сейчас поэтическая аудитория в Америке?

СМИТ. После второй мировой войны, и особенно после войны во Вьетнаме, интерес к поэзии постоянно возрастает. В каждом колледже и университете, даже в самом маленьком, есть должность поэта-профессора. Регулярно проводятся поэтические чтения в разных городах, и больших, и малых. В Нью-Йорке, если посмотреть календарь культурных событий в газете «Нью-Йорк таймс», почти каждый вечер идет выступление одного или двух поэтов, приходят сотни слушателей. И это в городе, где каждый вечер насыщен многими интересными культурными событиями. Сейчас коммерческие издательства стали выпускать все больше поэтических сборников, не говоря уже об университетской прессе и маленьких некоммерческих издательствах, находящихся на субсидии Национального художественного фонда.

Уолт Уитмен говорил, что для великой поэзии нужна большая аудитория. Мы пока еще не имеем столь огромной поэтической аудитории, какая существует у вас в стране, но с каждым годом число наших читателей растет, и этот рост благотворно сказывается на развитии поэзии. Надеюсь, что поэтическая аудитория вырастет и качественно.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Рад этому. Если так, дело наше не пропащее. В трудное, чреватое опасностью время люди тянутся к поэзии. Будем надеяться, поэзия поможет спасти человека.

Я думаю над знаковой символикой нашего 1981 года. Восемька похожа на бесконечность, поставленную на попа. Это бесконечность и единица, Вечность и человек, человек в истории, во времени. Не это ли извечный вопрос поэзии? Хорошо, что мы понимаем друг друга, Билл. Порой у поэтов сложные отношения. Когда-то назревала дуэль между Блоком и Белым. Шкловский мне рассказывал, как Мандельштам пригласил его быть своим секундантом. Он вызвал Хлебникова. К счастью, художник Филонов образумил их. Сегодня я хочу прочитать стихи о взаимопонимании. Ты их перевел в прошлом году в журнале «Атлантик». Они могли бы быть написаны и сейчас:

Почему два великих поэта,
проповедники вечной любви,
не мигают как два пистолета?
Рифмы дружат,
а люди — увьи...
Почему два великих народа
холодеют на грани войны,
под непрочным шатром кислорода?
Люди дружат,
а страны — увьи...
Две страны, две ладони
тяжелые,
предназначенные
для любви,
обхватившие в ужасе голову
черт-те что натворившей
Земли...

Об остальном договорим в зале.

Уильям Джей Смит

ПОЭЗИЯ

ЕДИНА

ДИАЛОГ

меня потому, что я твердо убежден: юмор был и остается самой яркой и неизменной характерной чертой Америки. У советских поэтов, которых мне довелось читать в последнее время, может быть, мало-мало легкости, или юмора, что ли? Их стихи кажутся очень серьезными, временами тяжеловатыми. Неужели они не обращают свой взор на другую — более веселую — сторону жизни? Правильно ли мое ощущение?

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Наш народ чересчур много пережил. Бывало не до шуток. Хотя я думаю, тебе просто попадались скучные переводы. Ну, например. Николай Глазков и школа «оберегутов» за его плечами — все построено на юморе. У нас есть традиция гомеричного юмора «Столбцов» громоздкого Заболоцкого:

Прямые лысые мужья
Сидят, как выстрел
из ружья.

А как изящна ирония Тарковского, как жемчужны шуточки Кушнера, Окуджавы, Соколова, Завальнюка! Высокая лексика Ахмадулиной поблескивает лукавством.

Сердце сжимается от предсмертного юмора Маяковского: «Так сказать, инцидент испечен...» А тихая есенинская усмешка: «Да и жить, конечно, не новей» — что это, если не юмор на крови?

Поэзия на Руси всегда была делом нешуточным. Поэт посвящает жизнь стиху, цель творчества — самоотдача. Жизнь за строку отдают. Может быть, для некоторых американских поэтов поэзия — более игра? Капризное дитя забав? Но поэт живет не в герметическом пространстве, не в «камере обскура». Поэзия подлинная и у вас, и у нас восстает против разрушения личности, любых форм бесчеловечности и расизма, хотя и делает это своим — поэтическим — путем. Миссия поэзии — быть совестью, быть органом стыда. Хотя бы одну слезу осушить. Таков и ты в твоём «Поезде».

СМИТ. Мне кажется, ты недооцениваешь трагизм, присутствующий американскому поэту. Он

из американских поэтов получил у нас столь широкую аудиторию. И в МГУ, и в Доме архитектора публика понимала тебя. А ведь аудитория у нас разборчива. Сейчас мы с тобой пойдём на московскую сцену. Твои стихи будут читать наши замечательные поэты. Мне кажется, замечательно тебя перевел Борис Заходер. Тебя мастерски перевели Е. Евтушенко, Е. Винокуров, Л. Васильева, П. Вегин и А. Ткаченко — этот молодой мустанг из крымских степей. Юмор твоей поэзии тонко передала Юнна Мориц. Ее муза — бешеная амазонка, чуть осаженная, иронией. Хорошо было бы, если бы ты кого-нибудь из них перевел. А какое впечатление произвели на тебя наши слушатели?

СМИТ. Как ты знаешь, я выступал на факультете журналистики МГУ и в Доме архитектора на вечере любителей книги, и вот теперь мы в Музее Владимира Маяковского. Переводы моих стихов читали ты, Евтушенко и другие поэты, которых ты упоминал. В Доме архитектора даже многим не хватило места. Зал слушал мои стихи, и, надо сказать, довольно сложные и длинные, из цикла последних лет с величайшим вниманием. А потом были интересные вопросы. Мой поэтический автопортрет начинается юмористически — словами:

Редчайшее счастье —
знать мистера Смита...

Но я не представлял себе, что здесь, в Москве, реакция слушателей может быть столь теплой. Я глубоко тронут и взволнован этим. И еще мне приятно, видеть, что поэзия так много значит для стольких людей.

Во французских газетах я прочел сообщение о твоём большом успехе в Париже, откуда ты только что вернулся. Ты читал стихи в театре «Эспас Карден». И зал был переполнен — при том, что люди платили по пятьдесят франков за билет. Это большое достижение — вытаскивать стольких парижан на поэтический вечер: ведь в Париже нет традиции массовых поэтических чтений. Правда, сейчас она начала формироваться, но, как правило, на чтения приходится очень немного людей. Что ты можешь сказать о своих слушателях в «Эспас Карден»?

люди. Во Францию я приезжал по приглашению издательства Галлимар для работы над новой книгой, которая выйдет осенью.

А как тебе удалось поработать у нас?

СМИТ. Я приехал в Москву на четыре месяца читать лекции в МГУ по академической программе обмена. В 1978 году в Нью-Йорке, а потом в 1979-м в Батуми я встречался с профессором Ясеном Засурским, деканом факультета журналистики МГУ. И он спросил, как бы я отнесся к идее приехать в Москву читать лекции в университете. Поскольку меня всегда очень тепло принимали в Советском Союзе (особенно в 1978 году, когда мы приезжали с женой по приглашению Союза писателей СССР), я согласился. И должен сказать, что оказанный мне прием превзошел все мои ожидания. Я прочел цикл лекций об американской поэзии после второй мировой войны, которые слушали примерно пятьдесят студентов — заинтересованная, воодушевленная аудитория с разных факультетов университета и других институтов. На меня произвели большое впечатление их способности и знание английского языка. Они свободно читают американскую литературу, в особенности поэзию, и задают умные, точные вопросы.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Да, у нас знают ваших классиков, таких, как Лоуэлл, Оден, Уильямс, а также бунтарскую музу Гинзберга и Боба Дилана. Это не только в Москве. Ты встретишь в Сибири не меньший интерес к поэзии. Поэзия не имеет ни столиц, ни провинций.

Как-то меня занесло в белорусскую деревню. Это было в тяжелые для меня дни. Ни жизнь, ни стихи не ладилась. Село в глуши Беловежья. Председателем колхоза там В. А. Бедуля, крепкий хозяин, философский мужик. К моему удивлению, он попросил меня прочитать «Плач по двум нерожденным поэмам», помнишь, который Кьюниц перевел.

Так вот, в этом сельском клубе мне подали записку о Паунде. Думаю, ты бы ахнул, если бы тexasские фермеры тебя спросили о Паунде или о Хлебникове. А в другой раз в северном селе